

Прежде несколько слов о Ренэ Герра, авторе сенсационной книжной публикации «О весьма странной и весьма смрадной книгах» (Париж–Москва, издательство «Альбатрос», 2018).

Очерк Александра Сенкевича о Ренэ Герра «Хранитель», предваряющий авторский текст этого нового сочинения, знакомит читателя с основными вехами биографии французского слависта, волей судеб на протяжении пятидесяти лет своей жизни упорно и последовательно осуществляющего, казалось бы, невыполнимую миссию: найти и собрать в одном месте то, что ещё осталось от наследия великих изгнанников.

«Эти проигравшие “бывшие” русские, эти политические неудачники, – пишет Сенкевич, в 30-е годы и вплоть до второй половины 80-х годов прошлого века воспринимались во Франции (и не только в ней одной) “людьми помойки”, смердящими отбросами чего-то прежде значительного и великолепного».

Всё существование Ренэ Герра с тринадцати лет и до сегодняшнего дня посвящено изучению русской культуры, русского языка во всём его словесном богатстве и наследию тех её творцов, кто по определению Зинаиды Гиппиус, находились «не в изгнании, а в послании». Чтобы это послание было услышано нами, есть неоспоримая заслуга и Ренэ Герра. Из всей его деятельности собирателя и хранителя следует одно: он с вызывающим восхищением мужеством и упорством защищает перед потомками честь и достоинство этих людей. С многими из них, последними из могикан,

он был не только знаком, но и дружил до самой их смерти. Некоторые из них сделали его своим правопреемником.

И вот случилось для сегодняшней России нечто постыдное и невообразимое. На известного французского слависта Ренэ Герра один и тот же человек вылил два ведра помоев, в фигуральном смысле, разумеется. Первое ведро представляет книга доктора педагогических наук Валерия Павловича Леонова «Библиотека Академии наук: Опыт биографии», выпущенная в Москве издательством «Наука» в 2013 году. Речь идёт об академической библиотеке в Петербурге (БАН), директором которой тогда был автор названного сочинения. За семнадцать лет перед этим событием тем же человеком была издана книга «Библиотечный синдром». Она появилась как самозащита В.П. Леонова после прогремевшего на весь мир скандала, вызванного незаконным вывозом из России библиотечных изданий XVIII века.

Второе ведро помоев тот же автор вылил на голову Ренэ Герра, спустя три года после выхода книги «Библиотека Академии наук: Опыт биографии» и через двадцать лет после «Библиотечного синдрома». На этот раз он не стал особо заморачиваться с названием новой книги и пошёл по легчайшему пути, наивно полагая, что его предыдущее, двадцатилетней давности сочинение – мировой бестселлер. Книга выпуска 2016 года называлась «Библиотечный синдром – 2». Для совсем непонятливых и для большей солидности прилагался подзаголовок «Документальное продолжение». Эта книга – ответ на *реплику* Ренэ Герра по поводу книги В.П. Леонова «БАН: Опыт биографии». Она состоит из писем разъярённых в своих оскорблённых чувствах защитниц и защитников директора БАН.

В двух сочинениях (2013 и 2016 годов) именитого библиографа и педагога из Петербурга француз Ренэ Герра предстает как завистливый и корыстолюбивый человек, злобный чужак, сущий свой нос, куда не следует. И окончательный вывод: относиться к нему надо соответственно – как к «засланному казачку», словом, как к настырной вражине. Чего уж тут рассуждать и церемониться? Гнать его в шею – и все дела! В достопамятные 70-е годы прошлого века в СССР с этим французом так и поступали.

Чем же не угодил Леонову Ренэ Герра? И не только ему одному. За года два до выпадов библиотечника и педагога из Петербурга в адрес французского слависта в московских газетах «Книжное обозрение» и «День» с подобными поношениями выступил профессор В.В. Агеносов из Института Международного права

и экономики им. А.С. Грибоедова. Только ответное эссе писателя Александра Сенкевича «Всё вокруг бесхозное, все вокруг моё» в «Книжном обозрении» и извинения, принесённые Ренэ Герра на страницах газеты главным редактором «Дня» критиком Владимиром Бондаренко, на какое-то время – надеюсь навсегда – охладили клеветнический пыл чем-то уязвлённого московского профессора. Автор захватывающей книги об Иосифе Бродском в серии «ЖЗЛ», введённый в заблуждение Агеносовым, наконец-то, понял, что диффамация человека, который сберёт для нас многое из культурного наследия русского Зарубежья, поступок низкий и – прямо скажу – ничем неоправданный. Увы, иногда не знаешь, что делаешь!

Так всё же из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор? И кто в нём заинтересован?

История, рассказанная Ренэ Герра в сочинении «О весьма странной и весьма смрадной книгах» превзошла все мои ожидания. Неудивительно – эта небольшая, изящно изданная книга проясняет многое в истеричных вскриках его хулителей. То, что я узнал из материалов, составивших книгу, оказалось очень далёким от идеологических распрей, выяснений личных отношений и уязвленных амбиций, а имеет самое непосредственное отношение к тем процессам в современном обществе, которые происходят сегодня повсеместно. И не только в нашей стране.

Если смотреть в корень случившегося: за словесными оскорблениями французского слависта стоят вовсе не «высокие материи», а вещи сугубо житейские и, к сожалению, распространённые – воровство и коррупция. Пришло время рассказать, что послужило причиной конфликта Валерия Павловича Леонова, сейчас уже бывшего директора Библиотеки Академии наук в Петербурге, с французским славистом Ренэ Герра, который в мае 2015 года был приглашён в качестве почётного гостя на Санкт-Петербургский книжный салон. По своему обыкновению на подобных книжных ярмарках Ренэ Герра покупает большое количество книг, посвящённых творчеству писателей и художников русского Зарубежья. Среди них на этот раз оказалось и сочинение В.П. Леонова «БАН: Опыт биографии».

Каково же было удивление французского слависта увидеть в этой книге раздел, в котором он был изображён в неприглядном свете. Причиной тому стали суждения Ренэ Герра в одной из его книг об известном парижском букинисте Андрее Владимировиче Савине, поставившем перед собой цель собрать вслед за своим

отцом, донским казаком, **все** стихотворные сборники поэтов русского Зарубежья. Леонов представил французского профессора и собирателя мелким завистником, обвинив в том, что «Савин и его коллекция и «сегодня не дают ему покоя», а в его очерке содержится «неуважение и пренебрежения к его деятельности».

Как пишет Ренэ Герра, Леонов интерпретировал его суждения настолько вольно, насколько это только возможно. А говоря проще, без всякого стеснения приписал ему собственные измышления. На самом деле ничего плохого и оскорбительного Ренэ Герра о А.В. Савине не говорил и не писал. В.П. Леонову позарез был нужен повод, чтобы напасть на французского профессора, сделав себя защитником парижского букиниста. Сложившаяся ситуация незамедлительно того требовала. Он спасал самого себя.

Ренэ Герра восстанавливает в своей книге «О весьма странной ...» цепочку происшедших событий. После рассказа об особенностях книгопродавческой деятельности А.В. Савина он останавливается на отношениях букиниста с В.П. Леоновым. Именно они, по его мнению, привели сына русского казака к преждевременной смерти. Истоком всех неприятностей, как полагает Ренэ Герра, явилось желание А.В. Савина повторить опыт своего коллеги А.Я. Полонского, давнего недруга и конкурента, который, начиная с 1950-го года, наладил книгообмен с крупными советскими библиотеками.

Обращусь к тексту книги французского слависта: «На свою беду, в период горбачёвщины Савин решил повторить опыт Полонского и расширить рынок. (...) Сделки с Леоновым принесли Савину известность скандальную. Приобретение в 1991 г. первым у второго за 30 000 долларов США 325-ти поэтических сборников, едва ли нужных научной библиотеке, вызвало у её сотрудников подозрение в том, что дело нечисто. (...) Подозрения подчинённых Леонова подкреплялись ещё тем, что покупка была оформлена в качестве дара, то есть была сделана “двойная проводка”, что во всём мире применяется для обезличивания средств. Огромная по тому времени стоимость явных неликвидов поразила менее, чем двойная проводка и вояж Леонова с семейством в Париж по приглашению Савина. Сотрудники БАН обратились с заявлением в прокуратуру. Проверка все факты подтвердила, однако состава преступления найдено не было».

На этом, однако, всякие странности с перемещением книг из Франции в Россию и из России во Францию не закончились. В 1995 году разразился новый скандал. Леонов на протяжении трёх

лет, начиная с 1992 года, отправлял Савину издания XVIII века, якобы для оценки их стоимости. Сотрудники БАН, не надеясь на прокуратуру, направили жалобу на своего директора в Государственную Думу, откуда поступило распоряжение разобраться. Было возбуждено уголовное дело по обвинению Леонова в контрабанде. ФСБ подтвердила незаконное перемещение культурных ценностей через границу. Как пишет Ренэ Герра: «дело, было прекращено в связи с амнистией, а не за отсутствием состава преступления: разница существенная!» Вместе с тем с этого момента директор БАН стал для французских интеллектуалов персоной нон грата, то есть человеком нерукопожатным.

Это разбирательство нанесло сокрушительный удар по репутации А.В. Савина. Полученные от В.П. Леонова книги в продажу пущены не были, лежали без движения в течение нескольких лет в его магазине, где их обнаружила французская полиция. Они были возвращены незадачливым букинистом в БАН, где две-три из них бесследно исчезли. Ситуация, прямо скажем, сложилась всё-таки двусмысленная и не в пользу как А.В. Савина, так и В.П. Леонова. Допросы французских следователей серьёзно потрепали А.В. Савину нервы. Исчезновение книг в БАН позволило переqualифицировать статью «контрабанда» на статью «халатность». Новая статья спасла В.П. Леонова. Ведь она попадала под амнистию к 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Соответственно, дело в отношении директор БАН было прекращено.

А.В. Савину повезло меньше. Его авторитет единственного эксперта по русской книге во Франции за несколько месяцев разбирательства подошёл к нулю. Такой поворот событий, естественно, сказался на его здоровье. Результатом стал рак реактивного происхождения. Как пишет Ренэ Герра, через три года «от двухметрового богатыря уже ничего не осталось».

Мёртвый А.В. Савин опасности для В.П. Леонова уже не представлял. Его встревожил Ренэ Герра, вспомнивший о мытарствах парижского букиниста. Вот на нём-то В.П. Леонов решил отыграться. На инсинуации директора БАН пришлось отвечать. Так появилась реплика Ренэ Герра.

Ренэ Герра приводит в своей книге один любопытный факт. После его реплики под названием «Весьма странная книга», опубликованной без единого сокращения в «Литературной газете» (№ 31 (6519) от 29 июля 2015 года), ему звонили многие люди, благодарили за честную позицию. В том числе ему «позвонил амери-

канский букинист и сообщил, что в начале 1990-х гг. к нему обратился Леонов с предложением поставлять для продажи редкие книги, прежде всего академические издания XVIII века. Явный криминальный характер предложения насторожил букиниста и он решительно отверг предложение – более Леонов к нему не обращался».

Как и следовало ожидать, на Ренэ Герра набросилась вся разномастная гвардия бывшего директора БАН. Презентация книги В.П. Леонова «Библиотечный синдром – 2» в конференц-зале БАН 8 февраля 2016 года превратилась в вакханалию ненависти к французскому слависту. Уже в самой книге он был объявлен «отдельным недоброжелателем России». Не хочется пересказывать речи визжащих «шестёрок» бывшего директора, высказывания которых в свой адрес цитирует в книге Ренэ Герра. Ну, просто театральная постановка, мне лично напомнившая в миниатюре «всенародное» шельмование моего учителя Андрея Донатовича Синявского и его друга Юлия Марковича Даниэля.

Забавно, что тогда и сейчас чаще всего употребляемым в этом всенародном осуждении было слово «опорочить». Впрочем, сегодня масштаб идеологической кампании против внутренних врагов уже не тот, да и пафос сегодняшних речей натужен. К тому же и выглядят они при всей своей мерзопакостности смешно. В прежние времена негодование советского народа было организовано повсеместно и с большим размахом. Ренэ Герра обвиняли лишь в том, что он пытался опорочить своей *репликой* и *откликом* на клевету В.П. Леонова Библиотеку Российской академии наук и её директора, а не Россию в целом и её народ. Всё-таки кое-какие позитивные изменения, связанные со здравым смыслом, в сознании наших граждан произошли.

Присоединились к этому шабашу и несколько доброжелателей В.П. Леонова – М.Н. Кураев, лауреат Государственной премии РФ по литературе (1998), автор пасквиля против Ренэ Герра «Дантес районного масштаба, а также А.В. Лихоманов, бывший генеральный директор петербургской Российской национальной библиотеки, чья деятельность сопровождалась публичными скандалами и заслуженный деятель науки РФ А.В. Соколов, автор «Открытого письма» в редакцию «Литературной газеты».

Не понимают недруги Ренэ Герра, кипят злобой и ненавистью. Почему же он их постоянно дразнит? На этот вопрос французский славист даёт прямой ответ в своей книге: «Причиной появления *реплики* и *отклика* явилось естественное желание “отмыться от

вони трусливой псины” – как определил данную гигиеническую процедуру глава Чечни Рамзан Кадыров».

Интервью, взятое у Ренэ Герра Натальей Дардыкиной, и опубликованное в газете «Московский комсомолец» от 5 августа 2017 года, также включено в книгу. Оно дополняет портрет французского слависта новыми штрихами и деталями. Это и его деятельность издателя, и многолетние творческие отношения с писателем-классиком Борисом Константиновичем Зайцевым, поэтами Ириной Владимировной Одоевцевой и Екатериной Леонидовной Таубер, а также с выдающимися художниками русской эмиграции Юрием Анненковым, Дмитрием Бушеном, Сергеем Шаршунном, Сергеем Голлербахом...

И самое главное – в этом интервью идёт речь о краже из обширного художественного собрания Ренэ Герра двадцати двух из двухсот двадцати живописных и графических работ, предназначенных для выставки в Государственной Третьяковской галерее под названием «Они унесли с собой Россию... Русские художники-эмигранты во Франции. 1920-е – 1970-е». 10% от общего количества. Что это: случайное совпадение или *откат*, оплата за оказанную услугу?

Надежда умирает последней

Выставка проходила с 14 апреля по 15 мая 1995 года под эгидой ЮНЕСКО и патронатом Совета Федерации Федерального Собрания РФ, при участии Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции, двух Министерств культуры: Российской Федерации и Франции. К открытию выставки был выпущен каталог с вступительными статьями Дмитрия Лихачёва, Дмитрия Сарабьянова, Олега Цингера, Сергея Голлербаха. Всё прошло бы триумфально и замечательно, если бы не случившаяся кража. Двадцать две работы исчезли, неизвестно куда. Среди них находились портрет Владимира Набокова работы Мстислава Добужинского (1937 г.) и эскиз его декорации к пьесе Набокова «Событие», портрет Бориса Зайцева работы Юрия Анненкова (1968) и эскиз его декорации к пьесе Владимира Набокова «Изобретение вальса» (1930-е).

С того приснопамятного года, когда произошла кража картин, жизнь Ренэ Герра повернулась не тем боком, который ему хотелось бы видеть и озарилась совсем не лучезарным светом, к которому он привык.

В российской печати появились статейки-версии с намёками на причину случившегося, из которых явствовало, что виноват сам потерпевший. В общем, журналисты вовсю напрягли свою фантазию. Всех превзошли полётом мысли Олег Шишкин и Андрей Ковалёв. Олег Шишкин известен по книгам о Николае Рерихе и его связях с советской разведкой, а также по ежедневной рейтинговой передаче *Рен ТВ* «Загадки человечества». Эти ребята пошли напролом и предположили в статье «Пляшущие человечки», появившейся в ныне забытой газете олигарха Гусинского «Сегодня» от 8 сентября 1995 года, что Ренэ Герра для получения страховки, собственноручно украл у самого себя исчезнувшие картины. Компетентные органы в эту чушь не поверили. Ведь контейнер с украденными картинами для выставки появился в аэропорту «Шереметьево» за несколько дней до прилёта туда же их владельца. Да и сам господин Гусинский от этой публикации, вероятно, не пришёл в восторг. Ведь пронизательный читатель мог бы подумать, что у самого олигарха рыльце в пушку.

Упорное нежелание видеть правду, к сожалению, характерно не только для Олега Шишкина и Андрея Ковалёва. Недаром говорят: «Несть им числа и имя им легион». История с одержимым бесами человеком, происшедшая на восточном берегу Галилейского озера, всякий раз приходит мне на ум, когда в угоду корыстным целям перевираются факты, и всё в окружающем мире переставляется с ног на голову. А потом, спустя некоторое время, когда правда проясняется, эти люди говорят самим себе и окружающим как бы между прочим: «бес попутал».

В случае с Ренэ Герра расследование кражи его картин затянулось на двадцать три года. Полный список украденных работ был опубликован в художественном журнале «Золотая палитра» №3, 2010, с указанием, что Управление по сохранению культурных ценностей Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультура) разыскивает 22 работы, украденные из коллекции Ренэ Герра. Добавлю к этому, что Интерпол также подключился к расследованию. Некоторые скажут: «Прошло столько лет, а воз и ныне там. Так стоит ли убиваться? Не лучше ли махнуть на всё случившееся рукой и постараться забыть об этой краже!»

Для Ренэ Герра эта пропажа картин стала шоком не только из-за того, что он лишился части своей собственности, а потому, что новая Россия оказалась не той, какой ему представлялась в нача-

ле 90-х во Франции – страной восстановленной свободы и порядочности.

Образ дореволюционной России, которая, как казалось Ренэ Герра, опять вернулась на прежнее место, отождествлялся им с такими людьми как писатель Борис Константинович Зайцев или философ, доктор богословия, евразиец Владимир Николаевич Ильин. Литературным секретарём первого он был в Париже, а лекции второго слушал с восторгом ещё подростком в молодёжном лагере Русского студенческого христианского движения.

После случившегося с ним весной 1995 года Ренэ Герра избавился от своих иллюзий

относительно нынешних российских чиновников, но не от своей веры в будущее России. Он уже не пребывал в наивном изумлении, как подобная кража при таких серьёзных гарантах могла вообще произойти, а со всей присущей ему энергией взялся за выяснение обстоятельств, сделавших её возможной.

Тут следует сказать, что к чести Ренэ Герра он не стал сторонником ходячих мифов о России, как державе повального воровства и нечистых на руку чиновников. Он исходит из того, что в любой стране негодяи всегда найдутся, а порядочных людей всё-таки больше. Одновременно с этим взглядом на современную жизнь он правду предпочитает изворотливости и притворству. Ему не по нраву в полемике со своими недоброжелателями затейливые комбинации и всякие другие ухищрения. Ренэ Герра часто рубит с плеча. На людей, не информированных о причине происшедшего конфликта, эта манера общения с оппонентами производит неприятное впечатление. Иногда даже вредит его репутации воспитанного человека, каким он по своей сути является.

Ничего тут не поделаешь, такой уж у Ренэ Герра несдержанный и – скажу прямо – мужицкий характер. Когда задета его честь или его друзей из недавнего прошлого – «последних

Ренэ Герра

О весьма странной и весьма смрадной книгах

из могикан», он взрывается, как бомба, и во все стороны летят такие слова, которые сейчас обозначают в книгах и фильмах пометой 18+. Эти особенности его манеры полемики проявились и в сочинении «О весьма странной и весьма смрадной книгах». Ренэ Герра, отвечая на клеветнические измышления в свой адрес, не использует благозвучные и неопределённые по смыслу эвфемизмы, а находит точные и сильные слова, которыми, как известно, богат великий русский язык. Мимоходом замечу, что борьба с ненормативной лексикой в повседневной речи моих современников ускорила процесс появления в молодёжной среде большого количества иностранных слов и выражений, вроде «фак ю» и подобных ему.

Одна из защитниц В.П. Леонова, проживающая в США, кандидат педагогических наук доцент Т.А. Белогородская, в его книге «Библиотечный синдром – 2», пишет об этой манере письма Ренэ Герра. Это её реакция на его *реплику* в «Литературной газете». Её текст французский славист приводит с определенной долей симпатии и снисходительности к автору: «Дело в том, что работы иностранцев, даже при их высоком уровне образованности и языковой подготовки на инородном языке фразеологически отличаются от текстов лиц российского происхождения. Дело в ментальности с присущей ей особенностью подачи мысли. Тексты коренных россиян иные по духу. О профессорском тексте, скорректированном с учётом современной развязности и вседозволенности грубости определенной категории россиян, можно сказать словами Пушкина: «Там русский дух... там Русью пахнет». С трудом верится в то, что подобная манера высказывания характерна для французского профессора».

Ну, что тут скажешь? Чтобы так писать и говорить на иностранном языке, как Ренэ Герра на русском, надо не только обладать для этого необходимым усердием и цепкой памятью, но, прежде всего, полюбить этот язык, как «сорок тысяч братьев любить не могут».

Эпилог

Бизнес чреват потерей головы, если над ним отсутствует крыша

Ещё в середине девяностых годов у Ренэ Герра были мощные и авторитетные защитники, такие, как академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, который восхищался его деятельностью, умом и

проницательностью, считал, что его французский друг занимает особое место в истории русской культуры. Они часто встречались. В книге Ренэ Герра немало страниц, посвящённых этому удивительному человеку, олицетворяющему почти исчезнувший тип русского интеллигента. На его место приходит почти забытый персонаж конца 20-х и 30-х годов – трамвайный хам.

В послесловии к книге Ренэ Герра, написанном Михаилом Золотоносовым, литературоведом, культурологом, автором познавательной книги «Гадюшник: Ленинградская писательская организация», рассказывается об исчезновении из БАН редких книг XVI–XVII веков. Среди них находились труды Коперника и книги Кеплера. По этому случаю в газете «Коммерсантъ» от 3 февраля 2000 года появилась статья А. Цыганова «Коперник снова в моде. Его книги украли в третий раз».

Удивительна непопулярность В.П. Леонова. Слово он обладает лицензией на вседозволенность. Ренэ Герра и Михаил Золотоносов объясняют его постоянное состояние защищённости элементарно просто – тесными связями с российскими спецслужбами. А чем ещё объяснить, что украденный из БАН голландский, огромного размера двухтомный «Большой новый морской атлас» Герарда ван Кёлена XVII века прошёл 8 февраля 1998 года, словно невидимый, сквозь российскую таможню и обнаружился только в амстердамском порту Схипхол в багаже гражданина России Александра Левина. Секрет такого чуда не раскроет даже великий Конан Дойль, ведь он не жил в свободной и независимой России. А нам и раскрывать нечего, каждый младенец знает, как это делается. Ведь в России всегда не идеология, а личные отношения были в жизни основополагающими.

И ещё россияне обладают мудрой пословицей, которую для будущих поколений русских людей записал и сохранил датчанин Владимир Даль: «Не будь лжи, не стало б правды».